

За столом Никулин неожиданно спросил:

"У вас на груди волосы есть?"

Вет. кин. 8. - 1997. -
20 кт. - с. 7.

Обстоятельства моего знакомства с Юрием Никулиным довольно анекдотичны.

Как-то в коридоре "Комсомольской правды" я столкнулся с Игорем Кио и Юрием Никулиным, которые зашли в редакцию по каким-то делам. С Игорем я был знаком и даже писал о нем, Никулина же видел до того только в кино. Познакомились, поднялись в буфет выпить кофейку. За столом Юрий Владимирович неожиданно спросил:

— У вас на груди волосы есть?

— Есть, — отвечаю...

— Покажите...

Я растегнул ворот рубашки и на всякий случай приготовился, что со мною выкинут какой-нибудь цирковой фортель.

— Вполне достаточно, — удовлетворенно сказал Никулин.

— Для чего достаточно? — не понял я.

— Леонид Гайдай собрался снимать очередную комедию. Там мой герой случайно становится обладателем контрабандных сокровищ. По ходу дела он попадает в различные ситуации, где, как ему кажется, с ним хочет разделиться шайка истинных контрабандистов. В одном эпизоде он сталкивается с огромным человеком, на груди которого висит череп. Прохожий задает моему герою невинный вопрос, но, заметив череп, тот пугается до немоты. Сами понимаете, череп лучше смотрится на волосатой груди. Вы согласитесь сняться?

— Хорошо, я пугану вас, но при условии: вы дадите мне интервью.

— Договорились...

Я принял наш разговор за шутку, но через некоторое время мне позвонили из группы Гайдая и предложили прийти на "Мосфильм" примерить отобранную для роли одежду, а вскоре сообщили, когда я должен явиться на съемки.

Эпизод с моим участием снимался на Ленинском проспекте. Как раз напротив бокового входа в Парк культуры и отдыха имени Горького есть подземный туалет, который в тот день стал нашей съемочной площадкой. Суть эпизода оказалась предельно простой: я сбегаю по ступенькам вниз, Никулин поднимается навстречу. Мимоходом я спрашиваю: "Папаша, огоньку не найдется?" (следует мой крупный план с черепом на груди). Никулин, оторопев от предчувствия беды, в страхе трясет головой. "Ты глухонемой что ли?" — удивляюсь я, и он отвечает: "Да!" Я пробегая дальше, а Никулин замирает в холодном поту.

Все.

Сняв часа за два несколько дублей (из-за моей неуклюжести, между прочим, группа отправилась на "Мосфильм", а я с чувством выполненного долга покатил домой готовиться к завтрашнему интервью).

К сожалению, Гайдай задал такой темп работе, что о спокойной беседе с Никулиным не могло быть и речи. А вскоре вся киная группа "Бриллиантовой руки" отбыла в Сочи, где снимались многие эпизоды картины. Однако журнал "Смена", где я в то время работал, был настолько заинтересован в материале о Никулине, что согласился дать командировку на черноморское побережье в самый разгар курортного сезона.

Помню, как-то днем Гайдай объявил перерыв часа на два и вся съемочная группа (дело происходило в сочинском порту) направилась к морскому вокзалу, где была оборудована наша примерная, где заодно можно было пе-

рекусить и отдохнуть в холодке, пока снова не позовут на площадку. Зрители, постоянно толпившиеся вокруг, всегда очень чутко улавливали момент перерыва. Вот и в тот раз они мгновенно смяли милицейский кордон, прикрывавший место съемок, и помчались навстречу нам.

— Леня, идите прямо, я буду идти сзади, — бросил Никулин.

Я прибавил шагу и попер прямо на приближавшихся людей, уверенный, что таким манером удастся проскочить первую волну. Фотографы-любопытцы, несшиеся впереди всех, не сразу раскусили нашу уловку. Они смотрели мимо меня куда-то вдоль пирса, пытаясь разглядеть Никулина, и только когда мы поравнялись с ними, боковым зрением они увидели, что он рядом. Те, кто быстро сориентировался, стали бешено щелкать фотоаппаратами. Другие просто опешили от неожиданности. Со всех сторон тянулись руки с открытками для автографов. Ошалевший от встречи парень рявкнул: "Привет, Юра!" И окончательно распалившись толпа выдохнула: "Ура Никулину!"

Поначалу Юрий Владимирович героически пытался дать автографы всем, но, поняв тщетность своей попытки, ускорив шаг, стал пробираться сквозь людское кольцо к вокзалу. Он уже чуть не бежал...

Я спросил Никулина:

— Популярность — это трудно?

— Трудно. Зритель капризен и обидчив. Он требует, чтобы на его любовь отвечали любовью. Но все-таки было бы еще хуже, если бы всего этого не было.

Тяга людей к известным личностям объяснима. Общась со знаменитостью, сам как бы попадаешь под лучик чужой славы. Когда же речь заходит об отношении людей к Никулину, к общему правилу следует прибавить такое редкое качество его характера — быть со всеми на равных, быть своим. Таким, как они.

Это было его естественным состоянием, что лучше всего чувствовали дети. Моей дочке было лет пять, когда я собрался сводить ее в цирк. Не сумев купить билеты в кассе, я позвонил Никулину: помогите. В назначенный день у администратора цирка нас ждали билеты, и что особенно обрадовало — места оказались в первом ряду, рядом с ареной. Началось представление. Открыли его Юрий Никулин и его постоянный партнер Михаил Шуйдин. Как обычно, шутиво приветствуя зрителей, они приближались к нашим местам. Когда Никулин оказался напротив нас, он в изумлении от неожиданной встречи на весь цирк закричал:

— Миша, смотри, Плешаковы тоже пришли!

Он схватил мою дочку за ногу и потянул, будто это была рука. Цирк принял шутку восторженно. Дочка была потрясена: оказывается, ее знает Никулин!

После представления какой-то служитель цирка, подойдя к нам, сказал, что Юрий Владимирович ждет нас в своей уборной. Когда мы поднялись к нему, там уже было несколько знакомых артистов. Они о чем-то спрашивали, он что-то отвечал — обычная обстановка после представления. Увидев нас, Никулин спросил дочку, что ей понравилось, а потом предложил посмотреть животных. Мы прошли к лошадям, клеткам с обезьянами, какими-то хищниками. К восторгу Насти, ей разрешили даже угостить пони.

Я знал, что этот испытанный прием Никулин проделывал со всеми детьми своих знакомых. Но у детей иная ло-

гика. Они уверены, что его отношение адресовано лично им. Во всяком случае после того похода в цирк, увидев Никулина на экране телевизора, Настя смущалась, будто давний знакомый вновь пришел в гости. Ей очень нравилось, когда, собираясь в лес, я командовал ей: "Ко мне, Мухтар!". Совсем как дядя Юра в знаменитом кинофильме. Она считала его близким знакомым, хотя, как это ни странно, никогда больше с живым Никулиным не встречалась.

Мои отношения с Юрием Владимировичем были дружескими. Мы испытывали взаимную приязнь. Но, как я понимаю, таких знакомых у него были сотни. За почти тридцать лет, что мы знали друг друга, я был у него дома всего два раза. По делам. Встретаться чаще стали, когда с началом перестройки Никулин стал членом редколлегии "Огонька", в котором я работал обозревателем. Общество бурлило, потрясаясь сенсационными разоблачениями, которые стали основной темой большинства изданий, и особенно нашего журнала. Но я не могу припомнить, чтобы Никулин устно или печатно выступил на модную тему. Именно в то время он стал вести в журнале постоянную рубрику "Анекдоты от Никулина", что многим показало весьма странным: страну сотрясают такие события, а его заклинило на каких-то анекдотах. Даже теперь, после его кончины, когда все печатные органы посвящали его памяти столько добрых строк, я не прочел, чтобы кто-то обмолвился о его политических пристрастиях. Я уверен, он отлично понимал все, что творилось вокруг, чего стоят смелые слова и размашистые обещания политиков. Он был достаточно мудр, чтобы они могли ввести его в заблуждение. И он слишком уважал себя, чтобы ввязываться в бессмысленную перепалку с профессиональными шарлатанами. Он был уверен, что даже самые смелые выступления не стоят его анекдотов.

Не помню, как получилось, но когда пришло время выдвигать кандидатов в народные депутаты СССР, впервые выбиравшихся на альтернативной основе, по избирательному округу, где находилась редакция "Огонька", наш журнал решил выдвинуть кандидатами Юрия Никулина и главного редактора Виталия Коротича. Производственное объединение "Квант" своим кандидатом предложило генерального директора Юрия Скокова.

Собрание по выдвижению проходило в клубе "Правды". Народу набилось — полный зал. Понятно, когда стали выбирать председателя собрания, большинство голосов было отдано представителю "Кванта", очень бойкому молодому мужчине из комсомольских, как говорили, вожakov, человека с хорошо подвешенным языком и не особо совестливого. Свою задачу он понял однозначно: всеми силами способствовать избранию кандидата Скокова. Он задавал двусмысленные вопросы соперникам последнего, ернически комментировал ответы, издевался над выступлениями доверенных лиц, манипулировал залом, который и без того всячески мешал говорить иным кандидатам. Когда председатель собрания в очередной раз допустил бестактность в адрес Никулина, Юрий Владимирович поднялся со своего места.

— Я прошел две войны, — сказал он. — Всю жизнь работал, и не позволяю какому-то мальчишке издевательские выходки. Звание кандидата в депутаты того не стоит.

И он спокойно пошел со сцены, всем своим видом показывая, что не намерен участвовать в этом как бы демократическом спектакле.

Думаю, Никулин с самого начала достаточно иронично относился ко всей этой игре в демократические выборы, хотя на эту тему и не высказывался. В правомерности своих предположений я убедился в следующем году, когда пришло время выборов в местные Советы. Однажды клуб избирателей Дзержинского района Москвы сообщил мне, что хочет предложить мою кандидатуру на предстоящих выборах в Моссовет. Заниматься политической деятельностью я никогда не собирался, и было бы логично с благодарностью отказаться от оказанного доверия. Однако журналистское любопытство взяло верх: хотелось на собственном опыте изучить внутренние пружины механизма под названием представительная власть. Для убедительности активисты клуба сообщили, что все организационные проблемы они будут решать сами, от меня же требовалось определить доверенное лицо, которое представит меня собранию избирателей.

Позвонил Никулину, объяснил ситуацию.

— Я согласен, — сразу сказал он, — сданы в аренду для избирателей подъез-

жай ко мне в цирк, покажешь дорогу.

В назначенный день никулинская "Волга" покатила с Цветного бульвара ко мне, в Останкино. За рулем был Юрий Владимирович. Он спросил:

— Что я должен говорить о тебе? Расскажи хоть что-то из своей биографии.

— Юрий Владимирович, вся затея с моим возможным депутатством интересна мне лишь в том смысле, что даст возможность поближе познакомиться, как все это происходит. Поэтому: выберут меня — хорошо, не выберут — совсем не огорчусь. Так что у вас полная свобода рук. Говорите обо мне и о происходящем все, что сочтете нужным. Можете издеваться надо мной, представить в смешном виде, захотите придумать какую-то невероятную историю — ради Бога. Я не обижусь. Одно прошу: давайте людям красиво, пусть мои будущие избиратели весело посмеются, а то предвыборные собрания — такая скука.

— Постараюсь, — обещает Никулин.

Зал музыкальной школы был почти полон. За длинным столом на сцене сидели мы, восемь претендентов на депутатский мандат. В первом зрительском ряду — наши доверенные лица, представители избиркома. А дальше, на поднимающихся ярусах ряды — наши избиратели.

Кандидаты, согласно алфавиту, выходили на трибуну и в десять минут знакомили присутствующих со своей биографией, программой и заверениями служить народу, если будут избраны.

Моими соперниками оказались весьма достойные люди: инженеры, кинооператор, машинист с железной дороги, рабочий крупного завода, комсомольский активист и даже первый секретарь райкома партии. В то время шел жесткий накат на партийную бюрократию, и секретарь очень волновался, опасаясь последствий, если на выборах в собственном районе его прокатят.

Программы всех претендентов были столь разумны и многообещающи, что трудно было отдать предпочтение кому-либо. Когда пришло время выступать доверенным лицам, ружье, спокойно провисевшее на стене с 1968 года, неожиданно выстрелило.

— Двадцать два года назад, — начал Никулин, поднявшись на трибуну, — Леонид Гайдай решил снимать картину "Бриллиантовая рука", которую вы, наверное, видели ("Видели" — охотно сообщил зал). Так вот, центральным эпизодом фильма должна была стать сцена, где главный герой, которого играл я, встречается с огромным человеком с бандитской физиономией. Артиста с нужной внешностью Гайдай искал по картотеке "Мосфильма" — не нашел. Запросили "Ленфильм" и студию Доженко — безуспешно. Обратились в театры Москвы, а потом и всего Союза — результат тот же самый. Фильм оказался под угрозой закрытия. — Я уже с любопытством слушал новый поворот в хорошо известной мне истории. — Но однажды на улице Горького в Москве Гайдай столкнулся с тем, кто был ему нужен: даже без грима физиономия прохожего была откровенно уголовного вида. Гайдай стал уговаривать встречного сняться в нашем фильме, и тот великодушно согласился. Фильм был спасен. Вы наверняка помните этот эпизод: в подземный туалет сбегают громила с черепом на груди. Навстречу поднимаюсь я. Он спрашивает: "Папаша, огоньку не найдется?" Я поднимаю глаза и немею от страха... Помните? ("Помним!" — откликнулся зал.) Этот человек, — продолжал Никулин, — с бандитским лицом — ваш кандидат в депутаты Леонид Плешаков! — он указал рукой на меня.

Мои соперники за столом президиума сочувственно заулыбались, я плакал от смеха, а зал, несколько ошалев от неожиданного поворота, нерешительно захопал. Но тут кто-то из избирателей от полноты чувств громко крикнул: "Ура Никулину!" Зал тут же взорвался аплодисментами. Точь-в-точь как в сочинском порту в далеком уже 1968 году.

Когда стали известны результаты выборов, я позвонил Юрию Владимировичу, поблагодарил за поддержку. Спокойно выслушав меня, он мягко сказал: "Если будет нужна еще какая помощь — звони!"

И опять мы не сказали ни слова ни о политике, ни о напряженной борьбе иных деятелей за место у кормила власти. Мы с ним все понимали одинаково и нам незачем было обсуждать очевидное. Его чисто цирковая реприза на том собрании избирателей сама говорила обо всем и в комментариях не нуждалась.

Вот таким и останется в моей памяти Великий Клоун. Леонид ПЛЕШАКОВ.

ФОТО ЛЬВА ШЕРСТЕННИКОВА.

Как-то мы приехали на Разгуляй, где прошло детство и юность Никулина. "В этом месте стоял наш дом, а там сараи, на крышах которых все местные мальчишки любили спать летними ночами. Это одно из самых ярких воспоминаний моей жизни".

Памятные встречи

За столом Никулин неожиданно спросил:

"У вас на груди волосы есть?"

Вот кто-то —
1997. — 2000. —
с. 7.

Обстоятельства моего знакомства с Юрием Никулиным довольно анекдотичны.

Как-то в коридоре "Комсомольской правды" я столкнулся с Игорем Кио и Юрием Никулиным, которые зашли в редакцию по каким-то делам. С Игорем я был знаком и даже писал о нем, Никулина же видел до того только в кино. Познакомились, поднялись в буфет выпить кофейку. За столом Юрий Владимирович неожиданно спросил:

— У вас на груди волосы есть?

— Есть, — отвечаю...

— Покажите...

Я растегнул ворот рубашки и на всякий случай приготовился, что со мною выкинут какой-нибудь цирковой фортель.

— Вполне достаточно, — удовлетворенно сказал Никулин.

— Для чего достаточно? — не понял я.

— Леонид Гайдай собрался снимать очередную комедию. Там мой герой случайно становится обладателем контрабандных сокровищ. По ходу дела он попадает в различные ситуации, где, как ему кажется, с ним хочет разделиться шайка истинных контрабандистов. В одном эпизоде он сталкивается с огромным человеком, на груди которого висит череп. Прохожий задает моему герою невинный вопрос, но, заметив череп, тот пугается до немоты. Сами понимаете, череп лучше спрятать на волосах груди. Вы согласитесь сняться?

— Хорошо, я пугану вас, но при условии: вы дадите мне интервью.

— Договорились...

Я принял наш разговор за шутку, но через некоторое время мне позвонили из группы Гайдая и предложили прийти на "Мосфильм" примерить отобранную для роли одежду, а вскоре сообщили, когда я должен явиться на съемки.

Эпизод с моим участием снимался на Ленинском проспекте. Как раз напротив бокового входа в Парк культуры и отдыха имени Горького есть подземный туалет, который в тот день стал нашей съемочной площадкой. Суть эпизода оказалась предельно простой: я сбегаю по ступенькам вниз, Никулин поднимается навстречу. Мимоходом я спрашиваю: "Папаша, огоньку не найдется?" (следует мой крупный план с черепом на груди). Никулин, оторопев от предчувствия беды, в страхе трясет головой. "Ты глухонемой что ли?" — удивляюсь я, и он отвечает: "Да!" Я пробегая дальше, а Никулин замирает в холодном поту.

Все.

Сняв часа за два несколько дублей (из-за моей неуклюжести, между прочим), группа отправилась на "Мосфильм", а я с чувством выполненного долга покатил домой готовиться к завтрашнему интервью.

К сожалению, Гайдай задал такой темп работе, что о спокойной беседе с Никулиным не могло быть и речи. А вскоре вся киногруппа "Бриллиантовой руки" отбыла в Сочи, где снимались многие эпизоды картины. Однако журнал "Смена", где я в то время работал, был настолько заинтересован в материале о Никулине, что согласился дать командировку на черноморское побережье в самый разгар курортного сезона.

Помню, как-то днем Гайдай объявил перерыв часа на два и вся съемочная группа (дело происходило в сочинском порту) направилась к морскому вокзалу, где была оборудована наша гримерная, где заодно можно было пе-

рекусить и отдохнуть в холодке, пока снова не позовут на площадку. Зрители, постоянно толпившиеся вокруг, всегда очень чутко улавливали момент перерыва. Вот и в тот раз они мгновенно смяли милицейский кордон, прикрывавший место съемки, и помчались навстречу нам.

— Леня, идите прямо, я буду идти сзади, — бросил Никулин.

Я прибавил шаг и попер прямо на приближавшихся людей, уверенный, что таким манером удастся проскочить первую волну. Фотографы-любители, несшиеся впереди всех, не сразу раскусили нашу уловку. Они смотрели мимо меня куда-то вдоль пирса, пытаясь разглядеть Никулина, и только когда мы поравнялись с ними, боковым зрением они увидели, что он рядом. Те, кто быстро сориентировался, стали бешено щелкать фотоаппаратами. Иные просто опешили от неожиданности. Со всех сторон тянулись руки с открытками для автографов. Ошалевший от встречи парень рявкнул: "Привет, Юра!" И окончательно распалившись толпа выдохнула: "Ура Никулину!"

Поначалу Юрий Владимирович героически пытался дать автографы всем, но, поняв тщетность своей попытки, ускорив шаг, стал пробираться сквозь людское кольцо к вокзалу. Он уже чуть не бежал...

Я спросил Никулина:

— Популярность — это трудно?

— Трудно. Зритель капризен и обидчив. Он требует, чтобы на его любовь отвечали любовью. Но все-таки было бы еще хуже, если бы всего этого не было.

Тяга людей к известным личностям объяснима. Общась со знаменитостью, сам как бы попадаешь под лучик чужой славы. Когда же речь заходит об отношении людей к Никулину, к общему правилу следует прибавить такое редкое качество его характера — быть со всеми на равных, быть своим. Таким, как они.

Это было его естественным состоянием, что лучше всего чувствовали дети. Моей дочке было лет пять, когда я собрался сводить ее в цирк. Не сумев купить билеты в кассе, я позвонил Никулину: помогите. В назначенный день у администратора цирка нас ждали билеты, и что особенно обрадовало — места оказались в первом ряду, рядом с ареной. Началось представление. Открыли его Юрий Никулин и его постоянный партнер Михаил Шуйдин. Как обычно, шутливо приветствуя зрителей, они приближались к нашим местам. Когда Никулин оказался напротив нас, он в изумлении от неожиданной встречи на весь цирк закричал:

— Миша, смотри, Плешаковы тоже пришли!

Он схватил мою дочку за ногу и потряс, будто это была рука. Цирк принял шутку восторженно. Дочка была потрясена: оказывается, ее знает Никулин!

После представления какой-то служитель цирка, подойдя к нам, сказал, что Юрий Владимирович ждет нас в своей уборной. Когда мы поднялись к нему, там уже было несколько знакомых артистов. Они о чем-то спрашивали, он что-то отвечал — обычная обстановка после представления. Увидев нас, Никулин спросил дочку, что ей понравилось, а потом предложил посмотреть животных. Мы прошли к лошадям, клеткам с обезьянами, какими-то хищниками. К восторгу Насти, ей разрешили даже угостить пони.

Я знал, что этот испытанный прием Никулин проделывал со всеми детьми своих знакомых. Но у детей иная ло-

гика. Они уверены, что его отношение адресовано лично им. Во всяком случае после того похода в цирк, увидев Никулина на экране телевизора, Настя смущалась, будто давний знакомый вновь пришел в гости. Ей очень нравилось, когда, собираясь в лес, я командовал ей: "Ко мне, Мухтар!". Совсем как дядя Юра в знаменитом кинофильме. Она считала его близким знакомым, хотя, как это ни странно, никогда больше с живым Никулиным не встречалась.

Мои отношения с Юрием Владимировичем были дружескими. Мы испытывали взаимную приязнь. Но, как я понимаю, таких знакомых у него были сотни. За почти тридцать лет, что мы знали друг друга, я был у него дома всего раза два. По делам. Встретаться чаще стали, когда с началом перестройки Никулин стал членом редколлегии "Огонька", в котором я работал обозревателем. Общество бурлило, потрясавшее сенсационными разоблачениями, которые стали основной темой большинства изданий, и особенно нашего журнала. Но я не могу припомнить, чтобы Никулин устно или печатно выступил на модную тему. Именно в то время он стал вести в журнале постоянную рубрику "Анекдоты от Никулина", что многим показалось весьма странным: страну сотрясают такие события, а его заклинило на каких-то анекдотах. Даже теперь, после его кончины, когда все печатные органы посвятили его памяти столько добрых строк, я не прочел, чтобы кто-то обмолвился о его политических пристрастиях. Я уверен, он отлично понимал все, что творилось вокруг, чего стоят смелые слова и размашистые обещания политиков. Он был достаточно мудр, чтобы они могли ввести его в заблуждение. И он слишком уважал себя, чтобы ввязываться в бессмысленную перепалку с профессиональными шарлатанами. Он был уверен, что даже самые смелые выступления не стоят его анекдотов.

Не помню, как получилось, но когда пришло время выдвигать кандидатов в народные депутаты СССР, впервые выбиравшихся на альтернативной основе, по избирательному округу, где находилась редакция "Огонька", наш журнал решил выдвинуть кандидатами Юрия Никулина и главного редактора Виталия Коротича. Производственное объединение "Квант" своим кандидатом предложило генерального директора Юрия Скокова.

Собрание по выдвижению проходило в клубе "Правды". Народу набилось — полный зал. Понятно, когда стали выбирать председателя собрания, большинство голосов было отдано представителю "Кванта", очень бойкому молодому мужчине из комсомольских, как говорили, вожakov, человека с хорошо подвешенным языком и не особо совестливого. Свою задачу он понял однозначно: всеми силами способствовать избранию кандидатом Скокова. Он задавал двусмысленные вопросы соперникам последнего, ернически комментировал ответы, издевался над выступлениями доверенных лиц, манипулировал залом, который и без того всячески мешал говорить иным кандидатам. Когда председатель собрания в очередной раз допустил бестактность в адрес Никулина, Юрий Владимирович поднялся со своего места.

— Я прошел две войны, — сказал он. — Вся жизнь работал, и не позволю какому-то мальчишке издевательские выходки. Звание кандидата в депутаты того не стоит.

И он спокойно пошел со сцены, всем своим видом показывая, что не намерен участвовать в этом как бы демократическом спектакле.

Думаю, Никулин с самого начала достаточно иронично относился ко всей этой игре в демократические выборы, хотя на эту тему и не высказывался. В правомерности своих предположений я убедился в следующем году, когда пришло время выборов в местные Советы. Однажды клуб избирателей Дзержинского района Москвы сообщил мне, что хочет предложить мою кандидатуру на предстоящих выборах в Моссовет. Заниматься политической деятельностью я никогда не собирался, и было бы логично с благодарностью отказаться от оказанного доверия. Однако журналистское любопытство взяло верх: хотелось на собственном опыте изучить внутренние пружины механизма под названием представительная власть. Для убедительности активисты клуба сообщили, что все организационные проблемы они будут решать сами, от меня же требовалось определить доверенное лицо, которое представит меня собранию избирателей.

Позвонил Никулину, объяснил ситуацию.

— Я согласен, — сразу сказал он, — только в день встречи с избирателями подъез-

жай ко мне в цирк, покажешь дорогу.

В назначенный день никулинская "Волга" покатила с Цветного бульвара ко мне, в Останкино. За рулем был Юрий Владимирович. Он спросил:

— Что я должен говорить о тебе? Расскажи хоть что-то из своей биографии.

— Юрий Владимирович, вся затея с моим возможным депутатством интересна мне лишь в том смысле, что даст возможность поближе познакомиться, как все это происходит. Поэтому: выберут меня — хорошо, не выберут — совсем не огорчусь. Так что у вас полная свобода рук. Говорите обо мне и о происходящем все, что сочтете нужным. Можете издеваться надо мной, представить в смешном виде, захотите придумать какую-то невероятную историю — ради Бога. Я не обиюсь. Одно прошу: делайте людям красиво, пусть мои будущие избиратели весело посмеются, а то предвыборные собрания — такая скука.

— Постараюсь, — обещает Никулин.

Зал музыкальной школы был почти полон. За длинным столом на сцене сидели мы, восемь претендентов на депутатский мандат. В первом зрительском ряду — наши доверенные лица, представители избиркома. А дальше, на поднимающихся ярусах ряды — наши избиратели.

Кандидаты, согласно алфавиту, выходили на трибуну и в десять минут знакомили присутствующих со своей биографией, программой и заверениями служить народу, если будут избраны.

Моими соперниками оказались весьма достойные люди: инженеры, кинооператор, машинист с железной дороги, рабочий крупного завода, комсомольский активист и даже первый секретарь райкома партии. В то время шел жесткий накат на партийную бюрократию, и секретарь очень волновался, опасаясь последствий, если на выборах в собственном районе его прокатят.

Программы всех претендентов были столь разумны и многообещающи, что трудно было отдать предпочтение кому-либо. Когда пришло время выступать доверенным лицам, ружье, спокойно провисевшее на стене с 1968 года, неожиданно выстрелило.

— Двадцать два года назад, — начал Никулин, поднявшись на трибуну, — Леонид Гайдай решил снять картину "Бриллиантовая рука", которую вы, наверное, видели ("Видели", — охотно сообщил зал). Вот этот, центральным эпизодом фильма должна была стать сцена, где главный герой, которого играл я, встречается с огромным человеком с бандитской физиономией. Артиста с нужной внешностью Гайдай искал по картотеке "Мосфильма" — не нашел. Запросили "Ленфильм" и студию Довженко — безуспешно. Обратились в театры Москвы, а потом и всего Союза — результат тот же самый. Фильм оказался под угрозой закрытия. — Я уже с угрозыстом слушал новый поворот в хорошо известной мне истории. — Но однажды на улице Горького в Москве Гайдай столкнулся с тем, кто был ему нужен: даже без грима физиономия прохожего была откровенно уголовной вида. Гайдай стал уговаривать встречного сняться в нашем фильме, и тот великодушно согласился. Фильм был спасен. Вы наверняка помните этот эпизод: в подземный туалет сбегают гримла с черепом на груди. Навстречу поднимаюсь я. Он спрашивает: "Папаша, огоньку не найдется?" Я поднимаю глаза и немею от страха... Помните? ("Помните!" — откликнулся зал.) Этот человек, — продолжал Никулин, — с бандитским лицом — ваш кандидат в депутаты Леонид Плешаков! — он указал рукой на меня.

Мои соперники за столом президиума сочувственно заулыбались, я плакал от смеха, а зал, несколько ошалев от неожиданного поворота, нерешительно захопал. Но тут кто-то из избирателей от полноты чувств громко крикнул: "Ура Никулину!" Зал тут же взорвался аплодисментами. Точь-в-точь как в сочинском порту в далеком уже 1968 году.

Когда стали известны результаты выборов, я позвонил Юрию Владимировичу, поблагодарил за поддержку. Спокойно выслушав меня, он мягко сказал: "Если будет нужна еще какая помощь — звони!"

И опять мы не сказали ни слова ни о политике, ни о напряженной борьбе иных деятелей за место у кормила власти. Мы с ним все понимали одинаково и нам нечем было обсуждать очевидное. Его чисто цирковая реприза на том собрании избирателей была гениальна обо всем и в комментариях не нуждалась.

Вот таким и останется в моей памяти Великий Клоун. Леонид ПЛЕШАКОВ.

ФОТО ЛЬВА ШЕРШЕННИКОВА.

Как-то мы приехали на Разгуляй, где прошло детство и юность Никулина. "В этом месте стоял наш дом, а там сарай, на крышах которых все местные мальчишки любили спать летними ночами. Это одно из самых ярких воспоминаний моей жизни".